

идет об руку с планетарной бабоустремленностью и в ней как бы черпает свои истоки. «Святой черт» — было удачно пушено по его адресу. Откровенность, подчас изумляющая, спаяна с хитростью и дальновидным расчетом, а этот последний вдруг способен рассыпаться изумительной щедростью, небрежением к благам земным. Распутин не забывает своих крестьян-земляков и ходатайствует за крестьянские нужды вообще. Большой природный ум соединяется с даром внушения и способностью «заговаривать кровь»; к этому надо прибавить талантливость его как проповедника. Образцы его писем и речей, приводимые в книге ген. Спиридовича, позволяют говорить о большой одаренности в этом направлении.

Кто захочет обстоятельно познакомиться с эпохой и личностью Распутина, не сможет пройти мимо труда генерала Спиридовича. Здесь первоклассный, богато документированный материал. На этот материал можно опираться. Из всех монографий о Распутине труд генерала, по справедливости, занимает первое место. Выскажем сожаление, что книга не нашла до сих пор русского издателя.

Николай Былов.

«ПРАВОСЛАВНОЕ ДЕЛО», сборник, Париж, 1939.

«Православное Дело» является благотворительной организацией, пользующейся в эмиграции широкой известностью и симпатией, вполне оправданной ее деятельностью по оказанию разнообразной помощи наиболее обездоленным и нуждающимся эмигрантам. Но руководителям «Православного Дела» почему-то понадобилось «богословски самоопределяться» и явить миру свое историческое место в жизни и предании Церкви, как сказано в предисловии к их недавно вышедшему сборнику. И это

— совершенно напрасно, делает мало чести руководителям этой почтенной организации и подрывает моральное значение делаемого ими добра. «Кормить голодных, давать кров бесприютным и больным можно без всякого обоснования», пишут они сами и тут же пускаются в очень сомнительного качества «творчество», которое претенциозно считают «воскрешением лучшей традиции русской богословской мысли», будто бы нуждающейся в их защите и нашедшей в их лице своих достойных подражателей и углубителей.

По существу, специфическое творчество «Православного Дела» ограничивается передовой статьей, двумя статьями монахини Марии и отчасти статьей К. В. Мочульского. Монахиня Мария весь пыл своего «пророческого» обличительства направила против того, что всегда являлось основой монашества — личного пути христианина в его борьбе со злом в себе и в мире. Она берет под свою защиту вторую заповедь (о любви к ближнему), повидимому, против первой (о любви к Богу), что для монахини более чем странно. Она приводит очень удачно подобранные и ни в чем одна другой не противоречащие выдержки из Святых Отцов, стараясь доказать их взаимную несогласованность и противоречивость. Ее собственная доктрина характеризуется, например, ее мыслью о «возможности достичь высоких и Божественных созерцаний путем любви к ближнему», которую она выводит из текста св. Исаака Сирианина, совершенно неправильно толкуя его мысль. Вообще писания монахини Марии являются нудными перепевами на столь модную в наше время тему о каком-то «новом христианстве», которое современные реформаторы противопоставляют «изжившему себя», по их мнению, историческому христианству. Конечно, в переживаемую нами переломную эпо-

ду никто не может отрицать, что и Церковь, оказываясь в совершенно новой обстановке, должна проявлять большую приспособляемость к новым условиям и формам жизни и, сохраняя неизбывное и основное, должна уметь во-время отказаться от всего джитого и стесняющего Ее в выполнении Ее непосредственных задач. Движимая Духом Святым, Она, в течение всей своей многовековой истории, доказывала эту свою жизнеспособность и оставалась непоколебленной в то время, как сходили с исторической арены и исчезали великие государства и цветущие национальные культуры. Выполнит эту свою миссию Церковь и в наше время. Стоит лишь присмотреться к страдальческому опыту Русской Церкви в течение последних 22 лет, чтобы убедиться в исполнении Христовых слов о том, что врата ада не сокрушат Его Церкви. Но мысль современных «нео-христиан» скачет в направлении их собственных фантазий, обычно не замечая того действительно существенного, что творится в жизни Церкви. Также и монахиня Мария, совершенно проглядев великий подвиг своей родной Церкви, почему-то считает нужным приходить в неопишуемый восторг от современной позиции и деятельности католичества, в которых, даже с ее точки зрения, следовало бы найти много предосудительного и соблазнительного для элементарной христианской совести.

Вообще, в писаниях «нео-христиан», в их суждениях о Церкви, о иерархии, христианском аскетизме, смиренности, в их вражде к монашеству — много общего с идеологией обновленчества, столь распространявшегося в России в первые годы большевизма и теперь переживающего свой, будем надеяться, окончательный закат. Думается, что не случайно и руководители «Православного Дела» причисляют себя к числу «работников

церковного обновления». К внутри-русским обновленцам они идейно действительно близки.

Среди статей сборника следует особо выделить статью Г. П. Федотова, исключительно интересную по постановке трактующих в ней вопросов, ценную своею глубиной и чуждую разбираемого нами вульгарного «неохристианства».

Кирилл Шевич.

«ТРЕТЬЯ РОССИЯ» — орган осуществления нового синтеза; книга 9. Париж, 1939 г.

Нельзя без чувства недоумения читать сборник «Третья Россия».

П. С. Боранецкий — основатель, редактор и автор большинства статей в разбираемом сборнике, по всей вероятности, искренно уверен в оригинальности своей идеи, противопоставляемой им — всякой религии, и не замечает, что нового он ничего не говорит.

Преклонение перед знанием человека, перед его всемогуществом приводит его к новой религии, в которой «человек — становится Богом».

Не будем, поэтому, подробно останавливаться на теориях П. С. Боранецкого. Я думаю, что все искания Боранецкого основаны на недоразумении. Не приняв марксистского материализма, в поисках истины и абсолютного, он проходит мимо Истины, не появив ее. Но здесь, бессознательно, автор становится жертвой тех лже-нечувствительных утверждений, которые проповедаются марксизмом. И нет ни чего удивительного, что заключения, делаемые Боранецким, так поразительно похожи на писания «идеологов» безбожия в России — Ярославского, Олешука и др. С той только разницей, что в условиях сталинской диктатуры можно прибегать к искажению исторических фактов Евангельского Учения, а в условиях сво-